

Анатолий Авраменко

**КУБАНЬ КАК ИСТОРИКО-
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ РЕГИОН**

Понятие «Кубань» часто упоминают как один из регионов современной России. Это не вызывает сомнений, если говорить о политических реалиях. Но данный регион не чужой и для Украины: огромная часть местного населения имеет украинское происхождение. По словам С. В. Кульчицкого, «наибольшей в утраченном массиве украинских этнографических земель и по территории, и по населению, является Кубань»¹. Поэтому Кубань представляет интерес для украинских исследователей, как один из исторически сложившихся историко-культурных и этнографических регионов расселения украинского этноса². В этой связи представляется целесообразным дать историко-географическую характеристику Кубани как региона.

В зависимости от исторического периода, содержание понятия «Кубань» будет различным, так как границы региона (как и его внутренняя структура) подвижны, на что обратил внимание исследователей Д. В. Сень³. В этом смысле «Кубань» равнозначна субъекту Российской Федерации, официально именуемому Краснодарским краем. Однако край появился на карте только в 1937 г., а до этого происходили неоднократные радикальные административно-территориальные изменения, вследствие которых часть «Кубани» оказалась за пределами Краснодарского края (территория Карачаево — Черкесии и часть Ставропольского края).

¹ *Кульчицкий С. В.* Голодомор 1932–1933 рр. на Кубані // Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 3. — Краснодар, 2008. С. 312.

² См., например: *Політико-адміністративний атлас України*. — Київ: ДНВП «Картографія», 2006. — С. 7. Українські етнічні землі (на поч. XX ст.) [Карта].

³ *Сень Д. В.* «Черномория» versus «Кубань»: некоторые аспекты дискурса империй и теоретические аспекты изучения истории Северо-Западного Кавказа конца XVIII в. — начала XIX в. // *Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 г.* Дикаревские чтения (12). Краснодар, 2006. С. 379–395; *Сень Д.* Воображение региона как колонизация: Кубань-Черномория-Кубань (практики Российской империи в Крыму и на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII — середине XIX вв.) // *Історико-географічні дослідження в Україні. Збірник наукових праць.* Число 10. — Київ, 2007. С. 317–336.

В то же время кубанцы, отдыхающие на Черноморском побережье Краснодарского края, часто с удивлением слышат от местных жителей фразу: «у вас на Кубани». Оказывается, себя жители побережья не считают кубанцами и даже отмечают, что их менталитет отличается от кубанского! Действительно, до 1937 г. территория Черноморского побережья Кавказа имела особую судьбу. До 1896 г. она составляла Черноморский округ, преобразованный затем в губернию. При этом, как округ, так и губерния числились в составе административных единиц Закавказья, а Кубанская область входила в состав Северного Кавказа. В колонизации Черноморского побережья участвовали русские, украинцы, армяне, греки, турки, немцы, чехи, эстонцы и др. при незначительной роли казачества, в отличие от Кубанской области. В состав «Кубани» попали и некоторые другие районы, ещё сравнительно недавно относившиеся к Ставрополью или к Донской области.

А с выходом Адыгеи из Краснодарского края получается, что Адыгея, территория которой тянется по левому берегу р. Кубань, в региональном смысле уже как бы не «Кубань»! Она является отдельным субъектом федерации, хотя экономически теснейшим образом связана с Краснодарским краем и со всех сторон окружена его территорией. Более того, земли Адыгеи полностью находятся в бассейне р. Кубань, в отличие от бывших станиц черноморских казаков, расположенных по рекам, впадающим в Азовское море. У Адыгеи в физико-географическом смысле гораздо больше оснований считаться частью кубанских земель. Поэтому определение «Кубань» в региональном смысле в значительной мере условно и не обладает устойчивыми границами.

Рассмотрим основные этапы изменений внешних границ и внутренней структуры «Кубани». До конца XVIII в. земли современного Краснодарского края делились на три основные зоны: 1) степные просторы Прикубанья, где обитали кочевники (здесь можно особо выделить район современного Таманского полуострова, который турки держали под своим контролем), 2) предгорья и горы Закубанья, покрытые лесами, где жили преимущественно племена адыгов и абазин, 3) Черноморское побережье, населённое в основном адыгами и убыхами.

Ликвидация Крымского ханства в 1783 г. привела к присоединению к России степного Прикубанья и «острова Таман», переданных Черноморскому казачьему войску для заселения в 1792 г. Так появилась «Черномория» (имеющая небольшой выход к Чёрному морю), или «Земля войска Черноморского». Эта территория вначале была подчинена Таврическому губернатору, а земли к востоку от неё вошли в Кавказскую область Кавказского наместничества (учреждено в 1775 г.). Административным центром Черномории стал Екатеринодар, имевший статус «войскового города». В ходе заселения Кубани

казацья администрация стала формировать привычные ещё с запорожских времён административные единицы — паланки (Ейская, Копыльская, Екатеринодарская), но уже с 1794 г. территория войска делилась на пять округов, с 1802 г. — на четыре, с 1842 г. — на три.

Население Черномории было почти моноэтничным: прибывающие сюда переселенцы вплоть до 1860 г. были выходцами из украинских («малороссийских» по терминологии того времени) губерний. Правительство организовало три переселения из Полтавской, Черниговской и Харьковской (до 1835 г. — Слободско-Украинская) губерний: в 1809–1811, 1820–1825 и 1848–1849 гг. Всего переселилось свыше 100 тысяч чел. К 1860 г. в Черномории числились 177 424 жителя обоего пола. Это даёт основание включать Черноморию в состав украинских этнических территорий, что вызывает нервную реакцию современных российских политиков.

Пограничное положение и крайне низкая плотность населения в регионе, постоянная угроза набегов горцев предопределили здесь ведущую роль казачества. И если на территории Ставрополя немалую роль в колонизации играли однодворцы, крестьяне, отставные солдаты (большинство из которых власти со временем зачисляли в казаки), то в Прикубанье переселялись почти исключительно казаки. Это предопределило ведущую роль в местной администрации военных, а не гражданских властей.

Желая удешевить аппарат управления, повысив его эффективность, император Павел I провел в 1796 г. реформу административно-территориального деления (АТД): наместничества, генерал-губернаторства и некоторые уезды были упразднены. Екатеринославское и Вознесенское наместничества вместе с Таврической областью указом 12 декабря 1796 г. были объединены в Новороссийскую губернию, причем её центр — Екатеринослав был на короткое время переименован в Новороссийск (с 1797 г.)⁴. В состав новой обширной губернии была включена и Земля Войска Черноморского⁵, вначале вошедшая в состав Ростовского уезда⁶, с сохранением деления на округа, а затем составившая отдельный Фанагорийский уезд. Впрочем, Черномория оставалась инородным телом в составе новой губернии, и на её внутренние порядки данная реформа не оказала существенного влияния.

⁴ Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959. — С. 201; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. ВУА. — Д. 18336. — Ч. 1–2.

⁵ Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800–1825 гг. М., 1970. — С. 174; Захарова О. Ю. Генералы своих судеб: М.С.Воронцов — генерал-губернатор Новороссийского края. — М., 1998. — С. 18.

⁶ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. — Оп. 1. — Д. 370. — Т. 1. — Л. 54.

При Александре I указом 8 октября 1802 г. Новороссийская губерния была разделена на Екатеринославскую, Николаевскую (с 31 августа 1803 г. — Херсонская) и Таврическую губернии, после чего Черноморья считалась уездом последней, но уже не Фанагорийским, а Тмутараканским⁷. Однако введённые новшества не меняли сущность сложившихся в Черноморском войске порядков: привилегированная казачья старшина практически безнаказанно и повсеместно допускала злоупотребления на всех уровнях, что стало неистребимой кубанской традицией до нашего времени.

Активизация военных действий на Северном Кавказе заставила подчинить Черноморское войско кавказскому начальству: Черноморья была изъята из состава Таврической губернии и выведена из подчинения Херсонскому военному губернатору (находившемуся в Одессе). Согласно именному императорскому указу, данному Сенату 17 апреля 1820 г., она стала подчиняться командиру Отдельного Грузинского (с августа 1820 г. переименован в Отдельный Кавказский) корпуса А. П. Ермолову, который одновременно был управляющим гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях. Это позволяло успешнее координировать военные действия, но создавало и неудобство — резиденция А. П. Ермолова находилась в далеком Тифлисе. Одновременно Черноморья была причислена к Кавказской губернии⁸. На практике это означало подчинение черноморской администрации Кавказскому губернскому правлению лишь по гражданской части, но в то же время Черноморья не стала уездом Кавказской губернии, сохраняя особый статус и внутреннее деление на 4 округа (земские сыскные начальства).

Прикубанские земли к востоку от Черноморья заселяли преимущественно русские, а не украинцы. В 1794 г. на р. Кубань донскими казаками были основаны станицы Темнолесская, Воронсколесская, Прочноокопская, Григориполисская, Кавказская и Усть-Лабинская, составившие в марте 1796 г. Кубанский казачий полк⁹. Полковой принцип сохранялся и в дальнейшем административном устройстве т. н. «Старой Линии»¹⁰, тянувшейся от границ Черномо-

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. — Оп. 1. — Д. 236. — Л. 34; *Дружинина Е.И.* Южная Украина в 1800–1825 гг. — С. 174. В «Советской энциклопедии истории Украины» ошибочно утверждается, что в 1820 г. Тмутараканский уезд был присоединён к территории Черноморского казачьего войска» (См.: Радянська енциклопедія історії України. — Т. 4. — К., 1972. — С. 247).

⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее — 1 ПСЗ). — Т. XXXVII. — № 28225; *Кавтарадзе А. Г.* Генерал А. П. Ермолов. — Тула, 1977. — С. 66; *Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.* — Краснодар, 1996. — С. 189).

⁹ *Край наш Ставрополье: Очерки истории.* — Ставрополь, 1999. С. 82.

¹⁰ Имеется в виду Кавказская укрепленная линия.

рии на восток. Деление на уезды имело значение лишь для гражданского населения Кавказской области, хотя и здесь военная администрация имела приоритет над гражданской.

Для усиления Кавказской линии в 1802 г. по р. Кубани были поселены 4 станицы — Ладожская, Тифлисская, Казанская и Темижбекская, при одноименных редутах. Население этих станиц составили бывшие казаки Екатеринославского войска, упразднённого в 1796 г. Из этих станиц был образован Кавказский полк. В 1804 г. на линию переселили однодворцев из Змиевского уезда Слободско-Украинской губернии, тоже служивших прежде в Екатеринославском казачьем войске. Эти переселенцы образовали станицу Воронежскую, включённую в состав Кавказского полка, хотя её территория была отделена от прочих станиц территорией Кубанского полка. С целью ликвидации возникшей чересполосицы в 1819 г. станица Усть-Лабинская была перечислена в Кавказский полк, а Темижбекская — в Кубанский. Теперь оба полка были обособлены один от другого территориально: Кавказский полк тянулся полосой от Воронежской до Казанской станицы, а Кубанский — от станицы Кавказской до Воровсколеской¹¹.

В украинской научной литературе распространено ошибочное мнение о том, что переселившиеся на Кубань бывшие казаки упразднённого Екатеринославского войска — украинцы. Так, донецкий историк Д. Д. Билый пишет, что в 1803 г. на Старую Линию переселено 3277 украинцев Екатеринославского казачьего войска, а в 1804 г. — ещё 378 украинских казаков из Слобожанщины¹². На самом деле эти люди были русскими однодворцами — особой категорией служилых людей, расселённых в пограничных местностях¹³. Да и Ф. А. Щербина, на которого ссылается Д. Д. Билый, вовсе не писал, что эти казаки были украинцами. Напротив, упоминаемые Щербиной фамилии (Гречишкин, Фарафонов, Макеев, Леденев) указывают на русское происхождение упомянутых казаков. Украинцы селились в этих станицах в более позднее время.

В 1824–1827 гг. в верховья р. Кубани были переселены станицы казаков, ещё ранее переселённых в Ставрополье с р. Хопёр. Вскоре они составили Хопёрский полк. 25 октября 1832 г. был издан указ об объединении всех казачьих линейных полков и войск к востоку от

¹¹ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. Екатеринодар, 1913. — С. 196; Фелицын Е. Д. Кошетье, войсковые и наказные атаманы // Кубанское казачье войско. 1696–1888 г.: Сборник кратких сведений о войске. — Воронеж, 1888. — С. 298.

¹² Білий Д. Кубань і Україна // Пам'ятки України: історія та культура. Київ, 2005. № 3/4. С. 8.

¹³ См. например: Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII — первой половине XIX века (1719–1858 гг.). — М., 1976. С. 95, 96, 114–115 и др.

Черномории в Кавказское линейное казачье войско (КЛКВ)¹⁴. Следующий указ от 2 декабря 1832 г. значительно увеличил численность нового войска за счет перевода в казачье сословие жителей 31 казённого селения Кавказской области. Подавляющее большинство крестьянских сёл вошло в состав уже существовавших линейных казачьих полков. Восемь однодворческих селений, расположенных вблизи от центра Кавказской области, образовали новый — Ставропольский казачий линейный полк. Позже территория войска стала делиться на 17 полковых округов, объединявшихся в 8 бригад (бригадная система была введена в 1846 г.).

КЛКВ стало главной ударной силой при продвижении в Закубанье. Бесконечные хищнические набеги горцев требовали адекватного ответа, и еще в 1839 г. генерал-майор Г. Х. Засс предложил передвинуть границу с горцами, создав кордонную линию по р. Белая. Однако Николай I пока решил ограничиться переносом линии на р. Лаба. С 1841 г. началось строительство укреплений и станиц на новом рубеже, что означало расширение войсковой казачьей территории. Равнина между реками Кубань и Лаба стала называться *Новой Линией*, в отличие от *Старой Линии*, располагавшейся по другую сторону Кубани. В 1841 г. в этом районе были основаны первые станицы, образовавшие Лабинский линейный полк КЛКВ. Позже появились также 2-й и 3-й Лабинские полки.

В условиях сурового военного быта как на Старой, так и на Новой Линии не было даже элементов казачьего самоуправления (в отличие от Черномории). В линейных станицах отсутствовала должность атамана, избираемого населением; власть осуществлял так называемый станичный начальник, назначавшийся командованием полка или бригады. Искусственно созданное из разнородных единиц КЛКВ было максимально приближено к положению военного поселения, где власть генералов и офицеров была абсолютной. Попытки протеста казаков при переселении их в новые станицы в Закубанье пресекались насильственными мерами, вплоть до переселения казачьих семей под военным конвоем¹⁵. Казаки Черномории были более сплочёнными и такого отношения к себе не допускали.

Таким образом, накануне создания Кубанской области (1860 г.) Черномория и Ставропольская губерния (до 1847 г. — Кавказская область), значительную часть которой занимало КЛКВ, Закубанье и Причерноморье, представляли собою разные регионы, являющиеся частями макрорегиона — Северного Кавказа. Различия между Черноморией и Ставрополем были намного глубже, чем между

¹⁴ На территории будущей Кубанской области находились Кубанский, Кавказский и Хопёрский линейные казачьи полки.

¹⁵ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. С. 436; Край наш Ставрополье... С. 86.

Тамбовской, Рязанской и Воронежской губерниями. А большая часть Закубанья и Причерноморья в то время вообще не входила в состав России. Поэтому применение ко всем этим территориям единого термина «Кубань» для данной эпохи будет неправомерным.

На завершающем этапе Кавказской войны была произведена реорганизация управления войсками для лучшего оперативного управления, что сопровождалось радикальной реформой АД. Указом от 8 февраля 1860 г. правое крыло Кавказской линии было преобразовано в Кубанскую область, а левое — в Терскую. Бассейн р. Кубань был полностью включён в Кубанскую область, в том числе земли, населённые враждебными племенами горцев, которые ещё предстояло завоевать. Был разработан план вытеснения этих племён и заселения их земель казачьими станицами. Осуществлять этот план довелось генералу Н. И. Евдокимову, командовавшему войсками на Северном Кавказе.

Приказом главнокомандующего Кавказской армии А. И. Барятинского от 13 октября того же года из Черноморского казачьего войска и шести бригад КЛКВ было создано Кубанское казачье войско (ККВ). Остальные четыре бригады КЛКВ составили Терское казачье войско. Этот приказ 19 ноября утвердил Александр II, и он приобрёл силу закона¹⁶. Таким образом, Кавказская, Лабинская, Кубанская, Ставропольская, Хопёрская и Урупская бригады вошли в состав ККВ.

Создание ККВ было достаточно искусственным — между черноморцами и линейцами были большие различия. Почти все черноморские казаки имели украинское происхождение, а ядро составляли потомки запорожцев. Черномория долго сохраняла особенности в управлении, землевладении и землепользовании, в культуре, самосознании и языке. Современники не имели сомнений относительно этнической идентификации черноморцев. Один из первых историков Кубани И. Д. Попко (сам — черноморский казак) в 1858 г. писал: «весь войсковой состав черноморского народонаселения носит одну физиономию, запечатлен одной народностью — малороссийской. <...> Черноморцы говорят малороссийским языком, хорошо сохранившимся. На столько же сохранились под их военной кавказской оболочкой черты малороссийской народности в нравах, обычаях, поверьях в быту домашнем и общественном»¹⁷. Офицер и известный географ М. И. Венюков, прибывший на Кавказ в конце 1861 г., также писал, что Черноморское войско состоит из малороссиян, сохраняет предания Запорожской Сечи, а иногородних здесь недружественно называют москалями¹⁸.

¹⁶ ПСЗ. 2-е собрание (далее — 2ПСЗ). Т. XXXV. (1860 г.). СПб., 1862. Ст. 36327.

¹⁷ Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. — СПб., 1858. С. 46.

¹⁸ Венюков М. И. К истории заселения Западного Кавказа, 1861–1863 гг. // Русская старина. 1878. № 6. С. 252–253.

Традиции Черномории и собственность войска на земли, пожалованные грамотой Екатерины II, игнорировались генералом Н. И. Евдокимовым: он решил часть казаков-черноморцев (станции Старо-Щербиновскую, Конеловскую и Шкуринскую) переселить за Кубань, невзирая на их привилегии. В ответ начались волнения, генерал был вынужден лично приехать в Екатеринодар, но даже арест некоторых офицеров-черноморцев не сломил оппозицию. Власти вынуждены были создать систему льгот и материальной помощи для переселенцев, особенно для добровольцев (прочих избирали жребием). В письме товарищу военного министра¹⁹ генералу Д. А. Милютину Евдокимов откровенно писал, что «особенных правительственных мер требует Черномория. Большинство тамошнего дворянства, наследуя и храня заповеди бывшего малороссийского гетмана Мазепы, старается поддерживать дух отдельной национальности в мысли простого народа, им же угнетенного. <...> Эта язва на теле русской земли излечима только при совершенном слиянии ее с кавказскими казаками и при уменьшении панства»²⁰. Барятинский также признавался, что с самого начала с недоверием смотрел на черноморских казаков, поэтому считал необходимым слить их с линейцами в одно войско²¹.

Заселение Закубанья начало осуществляться на основе императорского рескрипта на имя Н. И. Евдокимова от 24 июня 1861 г., а 10 мая 1862 г. было утверждено Положение, согласно которому определялся порядок переселения кубанских казаков и иных переселенцев из России в предгорья западной части Кавказа. Соответственно, новый военный министр Д. А. Милютин распорядился переселить в указанный район 12 400 кубанских казаков, 800 азовских, 1200 — донских, 2000 государственных крестьян и малороссийских казаков, 600 женатых нижних чинов Кавказской армии, включив их всех в состав ККВ. Переселили также некоторое количество терских, уральских и оренбургских казаков. При этом военные власти стремились по возможности смешивать переселенцев разного происхождения, чтобы ускорить их ассимиляцию. Всего в 1861–1865 гг. в Закубанье было основано 111 станиц (некоторые из них позже ликвидировали).

Создание новых станиц в ходе завершения Кавказской войны сопровождалось постоянными реорганизациями в управлении: появлялись новые полки и бригады, изменялись границы между ними. Накануне коренной реформы АТД в 1870 г. территории Кубанской области и ККВ не совпадали: некоторые станицы

¹⁹ Т. е., по современной терминологии, заместителю министра.

²⁰ Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки. Ф. 169. Карт. 63. Ед. хр. 38. Л. 3 об. — 4.

²¹ Подробнее см.: Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. М. 1890. Т. II. С. 377–382, 381–383.

находились на территории Ставропольской губернии, а территория Шапсугского берегового пешего батальона в 1868 г. была включена в состав Черноморского округа, созданного указом от 10 марта 1866 г. на побережье Чёрного моря, и он оказался также за пределами Кубанской области. Но казаки батальона, как и раньше, числились в составе ККВ, что создавало двойное подчинение.

Указом от 29 апреля 1868 г. было разрешено «лицам невойскового сословия» селиться и покупать недвижимую собственность на казачьих землях. Отмена крепостного права также способствовала значительному притоку «иностранцев» жителей из российских и украинских губерний в Кубанскую область, что способствовало быстрому экономическому подъёму.

Стремление распространить на Кубань общеимперскую систему гражданского управления привело к реформе АТД, в соответствии с которой в 1870 г. область была разделена на 5 уездов. При этом 12 станиц ККВ, находившихся на территории Ставропольской губернии, получили статус сёл, а их жители стали крестьянами этой губернии. Такая же судьба постигла 12 станиц Шапсугского берегового пешего батальона (на побережье между Геленджиком и р. Туапсе), переданных в состав Черноморского округа. В 1876 г. появилось два новых уезда, границы внутренних административных единиц часто изменялись, что создавало неудобства для населения. То же самое происходило и с делением на полковые округа: изменения границ между ними не учитывали исторические традиции. Так, станица Полтавская вошла в состав не Полтавского полкового округа, как можно было ожидать, а Таманского.

Новый император Александр III стремился повысить роль казачества в качестве опоры самодержавия. В соответствии с новыми политическими установками в 1888 г. на Кубани вместо 7 уездов были созданы 7 отделов с совершенно иными границами. Теперь вся система управления была подчинена интересам казачьего войска. В 1889 г. был сформирован новый конный полк, что вызвало новую волну перераспределения границ между отделами. Эти границы так и не стали стабильными.

Закреплялись правовые преимущества казаков перед «иностранцами». В то же время царизм пытался оторвать Кубань от Украины, заставить казаков забыть свои исторические корни²². В местных школах преподавали только на русском языке. В 1896 г. Кубань помпезно отмечала 200-летие ККВ. Надуманность этого юбилея была очевидной для многих. В Петербурге старшинство войска решили определять по времени первого упоминания в официальных доку-

²² В дальнейшем эту политику восприняла советская власть после непродолжительного периода украинизации края, а ныне осуществляют правители современной России, в том числе кубанская администрация.

ментах о службе российскому престолу старейшего из полков войска. Им было решено считать Хопёрский полк, участвовавший во взятии Азова в 1696 г. При этом казакам внушали, что Войско Запорожское было ликвидировано в 1775 г., а Черноморское войско не было его правопреемником. Казак украинского происхождения должен был считать собратом не украинского крестьянина, переселившегося на Кубань, а казака русского происхождения, зачисленного в ККВ. Но казаки помнили запорожские думы и «рідну мову».

Руководитель Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора профессор Н. И. Бондарь утверждает, что черноморские казаки, ставшие частью ККВ, уже в середине XIX в. не считали себя украинцами, что сформировалась новая этническая общность *в составе русского народа* — кубанские казаки²³. Но во время переписи 1897 г. в Кубанской области 908 818 человек назвали своим родным языком украинский (украинцев в области оказалось даже больше, чем русских). В начале XX в. на Кубани начали действовать национальные украинские партии, общественные организации типа «Просвіти», зарождается украинское книгоиздание — и всё это не при поддержке, а вопреки официальной политике правительства. Чего стоит хотя бы один лишь съезд учителей Кубани, проходивший в мае 1917 г., на котором приняли резолюцию о массовой украинизации кубанской школы! Таким образом, старания царского правительства ассимилировать кубанских казаков украинского происхождения оказались безуспешными.

Не были стёрты и следы прежних региональных различий, существовавших до образования ККВ в 1860 г. Накануне революции 1917 г. наиболее зажиточными были станицы бывшей Черномории. Беднейшими — закубанские станицы, особенно в нагорной полосе. Население Закубанья было наиболее пёстрым в этническом отношении: здесь находились адыгейские и ногайские аулы, селение Армавир (фактически ставшее городом) было крупным центром сосредоточения армянского населения; на землях, купленных в Закубанье, селились иностранные колонисты и выходцы из центральных губерний России.

Совершенно иные процессы происходили на территории российского Причерноморья, входящей ныне в состав Краснодарского края. По Адрианопольскому мирному договору 1829 г. Турция признала российским владением восточное побережье Чёрного моря от старого устья р. Кубань (впадавшего в Кизилташский лиман) до Абхазии. Но местные горцы считали себя независимыми, и в 1830–1842 гг. на побережье была возведена цепь укрепленных пунктов, составивших Черноморскую береговую линию. В условиях Крымской войны

²³ Див.: Авраменко А. М. Третя збірка «Кубань — Україна» і деякі проблеми кубанської україністики // Кубань-Україна: вопросы историко-культурного взаємодія. Вып. 3. — Краснодар, 2008. С. 10–14.

созданные здесь укрепления и поселения в 1854–1855 гг. были упразднены, а гарнизоны и жители — выведены за р. Кубань и распределены по станицам. Лишь после окончания Кавказской войны и вторичного подчинения территории от Анапы до Абхазии снова началась колонизация этой территории.

Возобновление административного управления, колонизации и хозяйственного освоения Причерноморья началось в 1866 г., т. е. после окончания Кавказской войны. 10 марта 1866 г. было утверждено «Положение о заселении Черноморского округа и управления оным». Для ускоренного заселения Черноморского округа переселенцам предоставляли различные льготы, поэтому сюда прибывали не только русские, но и молдаване, грузины, эстонцы, а также иностранцы (греки и армяне из Турции, немцы из Южной Германии, чехи). Возникла своеобразная этногеографическая мозаика, ставшая особенностью данного региона.

Первоначально в округ вошли две территории — пространство между реками Туапсе и Бзыбь, от моря до Главного Кавказского хребта, а также район Анапы — Новороссийска. Черноморский округ (административный центр — Новороссийск) не входил в состав Кубанской области и был причислен к Закавказскому краю. По Положению 1866 г. начальник округа имел права губернатора, но до устройства гражданских поселений он был временно подчинен начальнику Кубанской области «в порядке общего гражданского управления»²⁴, а через него — наместнику Кавказскому. Но округ не был включён в состав Кубанской области, как иногда утверждается в литературе²⁵. К 1874 г. в округе было 2 города и всего 40 сельских поселений.

Между двумя упомянутыми выше территориями, от Геленджика до р. Туапсе, в 1863–1864 гг. были поселены казачьи станицы Шапсугского берегового пешего батальона ККВ. Эти станицы были крайне малы (в среднем по 50 семейств) и бедны, некоторые из них были вскоре ликвидированы. В 1868 г. земли батальона были присоединены к Черноморскому округу²⁶, а позже и сам батальон был расформирован. Юго-восточная граница округа (вероятно, в 1868 г.) была передвинута от р. Бзыбь на запад к р. Мехадырь, а примерно с 1896 г. — к р. Бегерепста²⁷. А в 1884 г. в состав Кубанской области был

²⁴ 2 ПСЗ. — Т. ХLI. № 43093.

²⁵ См., например: История Кубани в датах. (Материалы к хронологии Кубани). - Краснодар, 1996. — С. 17.

²⁶ 2 ПСЗ. — Т. ХLIII. — № 46457.

²⁷ Справочник и путеводитель по Черноморской губернии. — Новороссийск, 1907. — С. 214, 216; Основные административно-территориальные преобразования на Кубани. — С. 54; Архив русской революции. — Т. 7. — М., 1991. — С. 108; Государственный архив г. Сочи (ГАГС). — Ф. Р-308. — Оп. 1. — Д. 42.

передан город Анапа с деревнями Варваровка и Павловка (в первой из них жили русские и чехи, а во второй — исключительно чехи)²⁸. Это несколько сократило площадь округа, но не облегчило управление им — заселение и хозяйственное освоение здесь шло тяжело и медленно. Поэтому указом от 21 мая 1888 г. Черноморский округ был передан в подчинение начальнику Кубанской области²⁹. Такое положение сохранялось до 1896 г., когда округ был преобразован в губернию. Однако это не означало передачи Черноморского побережья в состав Кубанской области (как ошибочно полагают составители справочника по административно-территориальному делению Кубани): округ по-прежнему числился среди административных единиц Закавказского края, создавалась лишь дополнительная инстанция в управлении.

В отличие от Кубани Черноморским округом управляла исключительно гражданская администрация. В 1881 г. было ликвидировано Кавказское наместничество, а Кубанская область и Черноморский округ передавались в подчинение главноначальствующему гражданской частью на Кавказе³⁰. При этом подтверждалось разделение Кавказского края на две части: Северный Кавказ и Закавказье. Кубанская область была отнесена к Северному Кавказу, Черноморский округ — к Закавказью. Уже по этой причине данные территориальные единицы нельзя считать единым регионом. Кстати, с учреждением в 1885 г. Сухумской епархии (подчинённой экзарху Грузии) в её ведение перешли приходы Черноморского округа, а Кубанская область входила в состав Кавказской епархии (с 1886 г. она именовалась Ставропольской).

23 мая 1896 г. Николай II утвердил мнение Государственного Совета «О преобразовании административного устройства Черноморского округа...»³¹, на основании которого округ был изъят из подчинения начальнику Кубанской области и преобразован в Черноморскую губернию — самую маленькую по площади в Российской империи. Однако участки были переименованы не в уезды (как в обычных губерниях), а в округа — Новороссийский, Туапсинский и Сочинский.

²⁸ *Тверитинов И. А.* Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX — начале XX в. — С. 37; 3 ПСЗ. — Т. IV. — № 2977; *Колесов В. И.* Некоторые дискуссионные вопросы истории чехов Кубани // *Творческое наследие Ф. А. Щербины и современность.* — Краснодар, 1999. — С. 124.

²⁹ Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар, 1986. — С. 54–55.

³⁰ 3 ПСЗ. — Т. III. — № 1521.

³¹ 3 ПСЗ. — Т. XVI. — № 12995.

Родственник царя, герцог А. П. Ольденбургский, создавший Гагринскую климатическую станцию, добился по указу от 15 декабря 1904 г. включения т. н. «Гагринской дачи» (выделенной из состава I Гумистинского и II Гудаутского участков Сухумского округа) в Черноморскую губернию. Юго-восточная граница губернии (и Сочинского округа) была в результате перенесена от р. Бегерепста к р. Бзыбь. Тогда же деревни Павловка и Варваровка, находившиеся близ Анапы, были возвращены из Кубанской области в состав губернии, и её северо-западная граница стала проходить по водораздельному хребту у рек Китлямиг и Хандерей — в 10 верстах от Анапы³². Но в 1912 г. территория губернии вновь уменьшилась за счет перенесения северо-западной границы на водораздел р. Дюрсо³³. Все эти незначительные, казалось бы, изменения, следует учитывать, когда исследователь относит конкретные населённые пункты к определённом региону или сравнивает статистические показатели по регионам.

Революция и гражданская война в России неоднократно ломали прежние перегородки между административными единицами: изменение линии фронта, установление советского или белогвардейского режимов приводило к тому, что местная власть стремилась распространить свою деятельность на соседнюю территорию, независимо от её региональной принадлежности.

В Кубанской области создавались гражданские комитеты, подчинявшиеся Временному правительству, а также органы казачьего самоуправления (чего не могло быть в Черноморской губернии). В Екатеринодаре появилось Временное Кубанское войсковое правительство. В конце сентября — начале октября 2-я краевая Рада провозгласила себя верховным органом не только войска, но и всего Кубанского края и 17 октября приняла «Временное положение о высших органах власти в Кубанском крае», согласно которому управление в области передавалось Кубанской Раде, куда должны были войти представители казаков, горцев и коренных крестьян (постоянно проживавших не менее трёх лет). Из числа своих членов Кубанской Раде предстояло сформировать Законодательную Радугу и избрать войскового атамана.

Но в среде самого казачества не было политического единства. Резкие противоречия существовали относительно будущего статуса Кубани. Часть деятелей Рады — так называемые «черноморцы» или федералисты (среди которых выделялись Н. С. Рябовол, ставший

³² З ПСЗ. — Т. XXIV. — №№ 25364, 25568; Население и хозяйство Кубано-Черноморской области: Статистический сборник. — Краснодар, 1923; Архив русской революции. — Т. 7. — М., 1991. — С. 107.

³³ ГАКК. — Ф. 574. — Оп. 1. — Дд. 2519, 4271, 4272, 4298; Москвич Г. Путеводитель по Черноморскому побережью. — Пг., 1916. — Приложение: Карта Черноморского побережья.

председателем Законодательной Рады, и Л. Л. Быч, избранный в ноябре 1917 г. председателем Кубанского краевого правительства), — были сторонниками широкой автономии Кубани, её «самостийного» существования, а после захвата власти большевиками и провозглашения независимости Украины искали с последней сближения. Другая часть — «линейцы» (к которым принадлежал избранный 12 октября войсковым атаманом полковник А. П. Филимонов) — поддерживали идею развития Кубани в составе единой и неделимой России. Борьба между этими группировками не прекращалась вплоть до окончания гражданской войны и стала одной из причин крушения Белого движения на Юге России.

Узнав о свержении большевиками временного правительства в Петрограде и провозглашении в стране советской власти, Кубанское войсковое правительство постановило не признавать власти большевиков и принять на себя всю полноту власти в области вплоть до восстановления Временного правительства. Однако основная масса казачьего населения Кубани стремилась уклониться от политической борьбы, заняв выжидательную позицию. Собственные «войска Кубанского края» состояли из малочисленных добровольческих отрядов. 8 января 1918 г. первая сессия объединённой Законодательной Рады провозгласила Кубань самостоятельной республикой, входящей в состав России на федеративных началах. Но в течение января советы взяли власть в свои руки в Армавире, Майкопе, Темрюке, Тихорецкой и ряде станиц, где началось формирование Красной гвардии. Территория, контролируемая Радой и её правительством, стремительно сокращалась, а 14 марта (1 марта по старому стилю) вооружённые силы красных заняли Екатеринодар, вынудив Раду и правительство со своим отрядом уйти за р. Кубань на соединение с белогвардейской Добровольческой армией генерала Л. Г. Корнилова.

Непримиримая политика большевиков (и их стремление переделить все земли) вынудила основную массу кубанских казаков поддержать белогвардейцев. 4 (17) августа Екатеринодар был занят Добровольческой армией и восставшими казаками, а к концу 1918 г. уже вся бывшая Кубанская область находилась под контролем белых. Главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России А. И. Деникин вынужден был восстановить прежнюю казачью администрацию, ибо казачество составляло чрезвычайно важную часть антибольшевистского движения. По данным эмигрантских казачьих журналов, на стороне белого движения боролись 3 конные дивизии, 3 отдельные конные бригады, 3 пластунские бригады, 24 батареи — всего около 110 тыс. кубанских казаков³⁴. Казачье

³⁴ Ратушняк О. В. История кубанских казаков в эмигрантской казачьей периодике // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993. С. 172.

правительство, в свою очередь, вынуждено было мириться с бывшими царскими генералами, возглавлявшими Белое движение. Кубанские казачьи лидеры искали свой альтернативный «третий путь», но по-прежнему сохранялись острые противоречия между «черноморцами», стоявшими на федералистских и даже сепаратистских позициях, и «линейцами», поддерживавшими политический курс Деникина.

Отличия в самосознании черноморцев и линейцев ярко демонстрирует решение № 7 казачьего сбора станицы Старо-Нижестеблиевской Таманского отдела от 10 августа 1918 г. (т. е. сразу после падения советской власти), опубликованное в газете «Великая Россия» в Екатеринодаре в сентябре того же года. Путая украинские и русские слова, что характерно для кубанского говора, текст провозглашал: «Мы, козаки, потомки прежних запорожцев по своему слабоумию или недочету в науци, ны так давно изменили свой ридний Кубани, дали волю и власть проклятому москалю таку, якою сами владили... ну наша думка гныла и плода з цѐи доброты ны выйшло». Имея в виду под «москалями» власть большевиков, казаки каялись, благодарили своих спасителей, клялись в верности войсковому атаману Филимонову, Кубанской Раде и краевому правительству³⁵.

Внутренняя борьба между казачьими лидерами приводила к «министерской чехарде». За время после отставки последнего наказного атамана М. П. Бабыча сменилось 3 войсковых атамана, 5 председателей правительства, а составы правительства менялись 9 раз³⁶.

Во второстепенных вопросах Деникин шёл на уступки и не стал возражать, когда Кубанская чрезвычайная краевая Рада, согласно «Временному положению об управлении Кубанским краем», юридически преобразовала Кубанскую область в Кубанский край 5 декабря 1918 г.³⁷ (фактически это название употреблялось и раньше). С этого времени и до конца марта 1920 г. Екатеринодар считался краевым центром. Но Деникин не терпел сепаратистских устремлений. Между тем, уже 9 августа 1918 г. в Екатеринодар прибыл «представитель астраханского правительства», явился с верительной грамотой посол Белорусской народной республики. Вскоре при Кубанском краевом правительстве был аккредитован уполномоченный представитель от Всевеликого Войска Донского, прибыл личный представитель гетмана Украинской державы вместе

³⁵ Родная Кубань. 2003. №1. С. 26–27. Сохранена орфография оригинала. — *Авт.*

³⁶ Зайцев А. А. Крушение мелкобуржуазных иллюзий на Кубани и Черноморье (1917–1920 гг.). Краснодар, 1990. С. 22.

³⁷ ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 312. Л. 32.

с секретарём посольства. Своих дипломатических представителей (не к А. И. Деникину, а к Кубанскому правительству!) прислали Грузия, Армения, Азербайджан, а Персия даже открыла в Екатеринодаре «императорское консульство»³⁸.

Внешнеполитическая активность казачьих лидеров вызывала растущие подозрения и опасения. Ещё в начале 1919 г. Кубанская Рада послала свою делегацию на Парижскую (Версальскую) мирную конференцию, пытаясь добиться включения Кубани в Лигу Наций в качестве полноправного члена мирового сообщества. Осенью ЦК РКП (б) дал указание наркомучуждел Г. В. Чичерину начать переговоры с парижскими представителями Донского и Кубанского белоказачьих правительств, которые обратились к Совнаркомучуждел с предложением о мире³⁹. Такую сепаратистскую деятельность Деникин терпеть не мог, но лишь в ноябре ответил разгоном Рады. Это случилось после того, как стало известно, что «Парижская делегация» Кубанской Рады подписала с горским меджлисом в Тифлисе «договор дружбы», в котором обещала поддержку горцам, борющимся против войск А. И. Деникина. Естественно, Деникин объявил подписанный договор вне закона. В ответ Кубанская Рада стала стягивать в Екатеринодар свои войска. То же самое предпринял и Деникин. Дело окончилось казнью и арестами вождей кубанской «самостийности».

Пытаясь спасти положение, в январе 1920 г. казачьи лидеры создали Верховный войсковой круг Дона, Кубани и Терека, провозгласивший себя высшей властью в делах, общих для названных территорий. Пребывая в плену иллюзий, Верховный войсковой круг постановил немедленно изъять казачьи войска из подчинения генералу Деникину в оперативном отношении и лишь после переговоров с командованием Добровольческой армии признал Деникина «главою южнорусской власти», но 3 марта провозгласил этот договор недействительным⁴⁰. Тем временем фронт откатывался на юг, а казаки массами разбегались по станицам. Вскоре Красная Армия оккупировала Кубань и Причерноморье, а ККВ фактически перестало существовать.

18 марта в Екатеринодаре начал функционировать Временный Кубанский исполнительный комитет, взявший в свои руки всю гражданскую власть в области, но уже 27 марта он передал свои полномочия назначенному Реввоенсоветом Кавказского фронта Кубанскому областному ревкому. Ещё 6 марта приказом Реввоен-

³⁸ ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 172, 231, 300 и др.

³⁹ История КПСС. Т. 3. Кн. 2 (Март 1918–1920 г.). М., 1968. С. 359.

⁴⁰ Ермолин А. П. Революция и казачество (1917–1920 гг.). М., 1982. С. 166; Екатеринодар-Краснодар. 1793–1993. С. 441.

совета Кавказского фронта Черноморская губерния была включена в состав Кубанской области⁴¹, а с 29 марта областной ревком без каких-либо постановлений стал именоваться Кубано-Черноморским. Соответственно, управляемая им территория получила название Кубано-Черноморской области, с центром в Екатеринодаре⁴². И в дальнейшем образование этой новой административно-территориальной единицы не было оформлено каким-либо законодательным актом или даже постановлением ревкома. Но все последующие административно-территориальные преобразования в области осуществлялись по постановлениям областного ревкома (позже — облисполкома), так как декрет СНК «О порядке изменения границ губернских, уездных и проч.» от 27 января 1918 г. предоставил такое право местным органам власти. В результате в стране началась такая вакханалия преобразований, что центральные органы едва успевали за этим следить. Таким образом, в политико-административном смысле Причерноморье образовало с Кубанью единый регион, несмотря на существенные различия между ними.

Новая область состояла из прежних 7 отделов и Черноморской губернии, что выглядело явной аномалией. Поэтому 11 мая областной ревком постановлением № 144 переименовал губернию в Черноморский округ. При этом были упразднены прежние Новороссийский, Туапсинский и Сочинский округа, а вся территория Черноморского округа стала делиться на 8 волостей⁴³. Включение Гагринской волости в состав Черноморского округа, по-видимому, было связано с неосведомлённостью кубанских руководителей с положениями Договора между РСФСР и Грузией от 7 мая 1920 г., который признавал сложившуюся советско-грузинскую границу по р. Мехадыр с нейтральной зоной до р. Псоу, что оставляло Гагринскую волость в составе Сухумского округа Кутаисской губернии. Ошибка была исправлена уже в постановлении Кубчерревкома от 30 июня 1920 г., согласно которому Черноморский округ был разделён на два отдела — Новороссийский и Туапсинский⁴⁴. После разгрома врангелевских десантов Кавказское бюро ЦК РКП (б) издало 20 октября директиву о замене в Кубано-Черноморской области ревкомов советами.

⁴¹ *Тверитинов И. А.* Административно-территориальное деление и население Сочи (1864–1988 гг.): Исторический очерк. — Сочи, 1997. — С. 6.

⁴² Екатеринодар-Краснодар ... С. 442; Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. — С. 623.

⁴³ ГАКК. — Ф. Р-60. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 38; Ф. Р-158. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 46.

⁴⁴ ГАКК. Ф. Р-158. — Оп. 1. — Д. 50. — Л. 25. В 1928 г. граница между Черноморским округом и Абхазией была перенесена на р. Псоу.

Переход к плановой системе экономики потребовал изменения системы АД в советской России, чтобы максимально облегчить процесс управления экономическими районами. Однако отсутствие опыта и следование путём проб и ошибок привело на практике к неоднократным радикальным реформам и бесчисленным изменениям административных границ. При Наркомате внутренних дел была создана административно-территориальная комиссия, выработывавшая общие принципы нового районирования в стране. На местах также создавались соответствующие комиссии по районированию, в том числе в Кубано-Черноморской области и её отделах. Пока собирались общие данные по регионам страны, повсеместно осуществлялись лишь частные (хотя и многочисленные) изменения административного деления, обусловленные появлением новых промышленных центров, потребностями лучшего обслуживания населения и т. д. В то же время создание на местах многочисленных органов власти привело к неоправданному расширению административного аппарата, породило серьёзные трудности в управлении и решении хозяйственных вопросов⁴⁵.

В ходе разработки единого государственного плана электрификации России (ГОЭЛРО) возникла идея запланировать и создать эффективные территориальные комбинации производительных сил на базе их концентрации, экономного и комплексного использования сырья, специализации производства, что стало возможным благодаря введению государственной собственности на средства производства и природные богатства. Разработка плана ГОЭЛРО переросла в крупную коллективную работу по экономическому районированию советского государства, увязанному с планированием народного хозяйства и управлением им.

На Северном Кавказе были дополнительные трудности: чрезвычайно сложная этническая география и значительное казачье население, вызывавшее обеспокоенность советских властей. В августе 1920 г. Кубано-Черноморская область была подчинена Революционному совету Трудовой армии Юго-Востока России (Ревсовтрударм), созданному 7 августа того же года для общего руководства работами по восстановлению и укреплению административно-хозяйственной жизни в регионе. Деятельность Ревсовтрударма распространялась на Донскую, Кубано-Черноморскую, Терскую области, Ставропольскую губернию и Дагестан. Хотя уже в 1921 г., в связи с переходом к новой экономической политике, Ревсовтрударм Юго-Востока прекратил свою деятельность, название Юго-Восток сохранилось как

⁴⁵ Духопельников В. М. Деятельность Советов Харьковщины по проведению административно-территориальной реформы в губернии (1921–1925) // Вестник Харьковского университета. — № 266. — Харьков, 1984. — С. 18–19.

региональное понятие. Более того, этот район нередко стали называть Юго-Восточным краем или областью, хотя официальное положение о Юго-Восточной области (крае) вышло лишь в 1924 г.⁴⁶

Выделение столь крупного макрорегиона имело смысл, ибо позволяло более оптимально регулировать распределение ресурсов, организовывать планирование различных отраслей экономики. С другой стороны, эта территория в военном отношении составляла Северо-Кавказский военный округ. Совпадение территорий позволяло лучше наладить снабжение вооруженных сил. Важна была и обратная связь — армейские части активно привлекались к выполнению народнохозяйственных задач. В случае возникновения кризисной ситуации на Северном Кавказе в рамках единого регионального управления можно было гораздо эффективнее принимать соответствующие меры. Не случайно в 1962–1965 гг. этот же макрорегион был объединён в Северокавказский совнархоз⁴⁷, а недавно, с созданием института представителей президента Российской Федерации, образован Южный федеральный округ с центром в Ростове-на-Дону.

В 1921–1922 гг. произошли существенные административно-территориальные преобразования, связанные с осуществлением в регионе национальной политики правящей партии и предоставлением автономии горским народам. Это было бы положительным явлением, если бы касалось только тех народов, которые образовали новые автономные округа, области, республики. Но нередко эти административные единицы оказывались нежизнеспособными из-за острой нехватки квалифицированных специалистов и даже просто грамотных людей, а также рабочих. Поэтому в состав национальных автономий включали и обширные районы с чисто русским населением, не считаясь с мнением последнего.

Так одна историческая несправедливость заменялась другой. Целые районы казачьих станиц и русских крестьянских селений оказались искусственно включенными в горские автономные области и республики, а всякое проявление недовольства в условиях коммунистической диктатуры рассматривалось как контрреволюционная вылазка.

Согласно декрету ВЦИК от 20 января 1921 г. «Об автономии Горской социалистической республики» в учреждавшуюся Горскую АССР были включены территории из бывшей Терской и части Кубано-Черноморской области, составившие 6 национальных округов: Карачаевский (был выделен из Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области), Кабардинский, Балкарский, Северо-Осетин-

⁴⁶ Основные административно-территориальные преобразования на Кубани. С. 62, 77.

⁴⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. — 1962. — № 48. — Ст. 495; 1965. — № 39. — Ст. 558.

ский (Владикавказский), Ингушский (Назрановский) и Чеченский⁴⁸. К Терской области, созданной на основании декрета ВЦИК от 11 августа 1921 г., отошли из Баталпашинского отдела самые восточные станицы — Бекешевская, Воровсколеская и Суворовская⁴⁹.

В скором времени Горская АССР распалась из-за внутренних национальных и клановых противоречий: в сентябре 1921 г. из её состава была выделена Кабардинская автономная область (АО), а на основании декрета ВЦИК от 12 января 1922 г. образована Карачаево-Черкесская АО⁵⁰. Согласно постановлению Кубчерревкома от 28 февраля того же года, в состав последней из Баталпашинского отдела были переданы семь казачьих станиц, а также аулы черкесов, абазин, ногайцев, селение горских евреев и т. д.⁵¹ Территория новой автономной области втрое превысила площадь бывшего Карачаевского округа, причём численно преобладало теперь русское население казачьих станиц, обречённое с тех пор на неизбежную дискриминацию.

27 июля 1922 г. на левом берегу Кубани и Лабы из части территорий Краснодарского и Майкопского отделов была образована Черкесская (Адыгейская) АО. Этому предшествовала большая подготовительная работа. Ещё на I съезде трудовых горцев Кубани и Черноморья, проходившем 11–15 августа 1920 г., была избрана так называемая Горская секция, ставшая первым советским органом управления адыгейцев⁵². На II съезде трудовых горцев Кубано-Черноморской области (2–8 марта 1921 г.) был избран Горский исполком с правами губернского, но подчинённый Кубано-Черноморскому областному исполкому⁵³. Пока этот орган мог выполнять руководящие функции лишь в рамках национально-культурной автономии, ибо территориально адыгейские аулы ещё не были выделены в самостоятельную административную единицу. Кроме того, в Горский исполком могли обращаться и адыги, проживавшие за пределами территории своего компактного расселения. Однако уже на том съезде поднимался вопрос о создании самостоятельной админи-

⁴⁸ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. (Далее — СУ). — 1921. — № 6. — Ст. 41.

⁴⁹ СУ. — 1921. — № 60. — Ст. 419.

⁵⁰ СУ. — 1922. — № 6. — Ст. 63.

⁵¹ Красное знамя. (Краснодар). — 1922. — 2 марта.

⁵² Национальный архив Республики Адыгея (далее — НАРА). — Ф. 293. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 270–271; Установление Советской власти и национально-государственное строительство в Адыгее (1917–1923): Сб. документов и материалов. — Майкоп, 1980. — С. 160.

⁵³ Установление Советской власти и национально-государственное строительство в Адыгее. С. 189–190.

стративно-территориальной единицы для шапсугов Причерноморья (проживавших в Туапсинском отделе Черноморского округа) и адыгейцев Краснодарского и Майкопского отделов.

Важную роль в становлении горской автономии в Кубано-Черноморской области сыграл III областной съезд советов, состоявшийся 7–10 декабря 1921 г. Съезд уточнил название и определил территорию деятельности исполкома, именовавшегося теперь Горским окружным (с правами отдельского исполкома). К этому времени на территории Краснодарского, Майкопского и Туапсинского отделов имелось уже 35 исполкомов, объединявших 52 горских аула с населением 104 тыс. человек, а также 7 волостей и 8 хуторов с населением 25 тыс. человек⁵⁴. Решением съезда территории, подчинённые этим исполкомам, перешли под управление Горского окружного исполкома⁵⁵, который должен был разработать вопрос о выделении горского населения Кубани и Причерноморья в автономную область.

После соответствующей подготовки, в течение первого полугодия 1922 г. данный вопрос рассматривался в Кубано-Черноморском облисполкоме, затем в наркомате по национальным делам РСФСР и в комиссии ВЦИК. Лишь после этого президиум ВЦИК 27 июля 1922 г. постановил выделить из состава Краснодарского и Майкопского отделов Кубано-Черноморской области территорию, населённую черкесами (адыгейцами) и образовать на ней Черкесскую (Адыгейскую) АО. Так как эта территория состояла из двух отдельных частей, то находившиеся между ними чересполосные селения и хутора с русским населением были включены в горскую автономию без учета мнения населения. Название автономной области вызывало определённые сомнения, ибо самоназванием черкесов было «адыгэ». И уже постановлением Президиума ВЦИК от 24 августа того же года область была переименована в Адыгейскую (Черкесскую) АО⁵⁶.

Новая автономная область составляла особую административно-хозяйственную единицу в составе Кубано-Черноморской области и тянулась длинной полосой по левому берегу р. Кубани до устья р. Лабы, а затем — вдоль левого берега последней до аула Ходзь включительно. На этой территории находилось 45 аулов, но не было городов и даже явных центров экономического тяготения. Не было и подходящих зданий для размещения администрации. Поэтому управленческий аппарат автономной области был временно размещён в Краснодаре. Вопрос об автономии причерноморских шапсугов пока не был решён.

⁵⁴ Там же. С. 229.

⁵⁵ Там же. С. 213.

⁵⁶ Там же. С. 236.

Такая территориальная автономия не могла решить все проблемы: адыги, проживавшие вне пределов этой области, не имели возможности поддерживать свои культурные традиции, зато в границах автономной области, где у них были несомненные привилегии, оттеснялось на второй план славянское население. Вероятно, оптимальным вариантом могла бы стать национально-культурная автономия, не замыкающаяся в определенных границах, а ориентированная на этнокультурные группы и общины. Но такую идею большевики полностью отвергли ещё со времён полемики с бундовцами, так как это якобы разобщило рабочий класс, препятствовало интернациональному единству и поощряло национализм. Опыт истории показал, что именно национально-территориальная автономия, создавая неоспоримые преимущества лишь одному «титულному» народу, культивировала националистические настроения (в первую очередь среди управленческого аппарата и национальной интеллигенции).

При образовании Адыгейской (Черкесской) АО областные и центральные власти руководствовались принципом выделения территорий компактного проживания черкесского населения и при этом пренебрегали исторически сложившимися традициями землепользования и культурно-экономического тяготения населённых пунктов, закладывая основы земельной междоусобицы и национальной вражды, как справедливо отмечает Т. П. Хлынина⁵⁷. Уже 2 февраля 1923 г. на заседании бюро Кубано-Черноморского обкома РКП (б) председатель Кубчерисполкома В. Н. Толмачёв указал на рост заявлений русского населения по поводу большого налогообложения, чувства угнетённости и ощущения себя национальным меньшинством. В ответ председатель Адыгоблисполкома К. И. Голодович отправил информационную сводку в ЦК РКП (б), сообщая о «демарше» кубанских властей с целью выделения русских селений из автономной области⁵⁸, что выглядело как донос.

20 февраля 1924 г. в справке для X Всероссийского съезда советов отмечалось, что с 1922 г. так и не были установлены реальные границы между Адыгейской и Кубано-Черноморской областями. Адыгейская делегация съезда заявила о желательности присоединения к автономной области Карамурзинского, Урупского, Каноковского аулов Армавирского отдела, Кургановского, Суворово-Черкесского аулов Таманского отдела и 11 шапсугских аулов Туапсинского округа, включая и сам город Туапсе⁵⁹. Ещё 5 февраля 1923 г. оргбюро РКП (б)

⁵⁷ Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. — Краснодар, 1997. — С. 111–112.

⁵⁸ Там же. С. 75–76.

⁵⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 5677. — Оп. 4. — Д. 314. — Л. 35.

Адыгейской области на своем заседании призывало необходимым перенести административный центр Адыгеи в г. Туапсе, «принимая во внимание историческое прошлое шапсугского племени как действительно революционно-демократического». Такая аргументация была абсурдной, ибо в Туапсе тогда почти не было адыгов, а революционный демократизм вряд ли был известен самим шапсугам. Оргбюро также полностью согласилось с идеей присоединения к области армавирских и баталпашинских черкесов, чтобы образовать Адыго-Черкесскую ССР, несмотря на «раздробленность черкесского племени»⁶⁰. Эта идея тогда не была реализована, но на рубеже XX–XXI вв. начались попытки реанимировать её в новом качестве.

В соответствии с решением бюро Юго-Восточного крайкома РКП (б) от 3 августа 1924 г. на распорядительном заседании Малого президиума крайисполкома Юго-Востока 23 сентября было принято постановление о создании Шапсугского района, непосредственно подчинённого Черноморскому окрисполкому⁶¹. В этот национальный район вошли 7 шапсугских аулов из Туапсинского района. Он состоял из двух отдельных территорий, в свою очередь разрывавших Туапсинский район на три территории. Административные учреждения Шапсугского района были размещены в Туапсе, но сам город остался в пределах Туапсинского района. В соответствии с идеологическими установками советского времени Ч. Ч. Кубов писал, что после присоединения Северного Кавказа к России исторически сложилась «единая территориальная и экономическая общность шапсугов и Кубано-Черноморской области», которую крайком не счёл нужным разрывать в интересах самих шапсугов⁶². Но на самом деле сыграли роль и политико-стратегические соображения: территориальная консолидация всех адыгов и выход к морю их обширной автономии грозили бы усилением националистических и сепаратистских устремлений, могли способствовать вовлечению адыгов в турецкую сферу влияния и вызвать рецидив Кавказской войны.

Попытку совместить экономические интересы при проведении районирования с укреплением национальных автономий нельзя признать успешной. Т. П. Хлынина вполне справедливо пришла к выводу о том, что «проведённое районирование области положило начало стихийному размежеванию населения по национальному

⁶⁰ Хлынина Т. П. Адыгея в 1920-е годы... С. 114.

⁶¹ НАРА. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 61. — Лл. 13–14; Государственный архив г. Новороссийска. — Ф. Р-9. — Оп. 1. — Д. 914. — Л. 13.

⁶² Кубов Ч. Ч. Создание и укрепление советской государственности адыгейского народа — воплощение в жизнь ленинской национальной политики // Ученые записки Адыгейского НИИ ЯЛИ. — Т. 15. — Майкоп, 1972. — С. 69.

признаку. Многочисленные ходатайства и взаимные земельные претензии были направлены на закрепление «русского» населения за Кубано-Черноморской, «черкесского» — за Адыгейской автономной областями, что едва ли способствовало упрочению межнациональных связей. Призванный уступить место экономическим проблемам, национальный фактор стал ведущим в определении жизненных перспектив области»⁶³.

XII съезд РКП (б), состоявшийся в апреле 1923 г., признал существующее административно-территориальное деление не отвечающим новым политическим и экономическим потребностям страны и постановил разработать новую систему, способную упростить, удешевить и приблизить советский аппарат к народным массам. Съезд рекомендовал осуществить новый план, совместно разработанный Госпланом и административной комиссией ВЦИК, вначале в двух районах РСФСР — промышленном и сельскохозяйственном⁶⁴. В качестве последнего был определен Юго-Восток, под которым понимали Дон и Северный Кавказ.

Новая система административно-территориального деления предполагала введение вместо созданных ранее волостей более крупных единиц — районов и создание вместо обширных губерний и областей меньших по площади округов, что должно было упростить управление. При этом отбрасывались все традиционные границы; территории как округов, так и районов формировались исходя из рекомендаций комиссий по районированию. В результате началась самая радикальная ломка всех административно-территориальных структур за весь период советской власти.

13 февраля 1924 г. ВЦИК признал необходимым завершить районирование всей Юго-Восточной области (именовавшейся также Юго-Востоком или Юго-Восточным краем) в течение 1924 г. В состав этого обширного экспериментального края входили Донская и Кубано-Черноморская области, Терская и Ставропольская губернии, Адыгейская (Черкесская), Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская и Чеченская автономные области, Горская АССР (разделённая 7 июля 1924 г. на Северо-Осетинскую и Ингушскую АО) и город Грозный, имевший особый статус. На этой территории тогда находилось 30 округов (7 русских и 23 национальных), 12 отделов, 8 уездов, 1 национальный район, 358 волостных исполкомов и 1570 сельских советов⁶⁵.

⁶³ Там же. С. 118.

⁶⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — Т. 1. — М., 1967. — С. 367.

⁶⁵ Весь Северный Кавказ (Справочник по вопросам административно-экономического и культурного строительства края). — Ростов-на-Дону, 1931. — С. 17.

2 июня 1924 г. президиум ВЦИК принял постановление о районировании Юго-Восточной области (края), по которому вся эта огромная территория, за исключением национальных областей, делилась на округа и районы⁶⁶. Кубано-Черноморская область ликвидировалась, а на её территории было образовано 4 округа: Армавирский, Кубанский (с центром в Краснодаре), Майкопский и Черноморский (с центром в Новороссийске). Адыгея теперь стала самостоятельной административно-территориальной единицей с правами округа.

Выполняя постановление президиума ВЦИК от 16 октября 1924 г., крайисполком своим постановлением от 16 ноября 1924 г. переименовал Юго-Восточный край в Северо-Кавказский⁶⁷, а декретом ВЦИК от 26 января 1925 г. было утверждено «Положение о Северо-Кавказском крае» с центром в г. Ростове-на-Дону⁶⁸, согласно которому край делился на 10 округов и 4 автономные области. Из этих административных единиц территорию современного Краснодарского края и Республики Адыгея охватили полностью или частично Кубанский, Армавирский, Майкопский, Черноморский, Донской и Сальский округа, а также Адыгейская (Черкесская) АО. Таким образом, прежние границы сложившихся регионов почти полностью рухнули.

В основе административно-территориальной реформы лежала экономико-географическая идея о более рациональном управлении. Подготовившие целые тома специальных расчетов местные комиссии по районированию впервые в истории нашей страны подошли к данному вопросу с научных позиций. Так, богатые зерновые районы к северу от р. Кубань, а также Таманский полуостров входили в Кубанский округ; Ейский, Староминской и Кущёвский районы⁶⁹ (бассейн р. Ея) были включены в Донской округ, т. к. находились ближе к мощному промышленному центру — Ростову-на-Дону; Армавир — крупнейший экономический центр Среднего Прикубанья, стал центром образованного здесь округа. Однако и в этом случае не удалось избежать некоторых перекосов. Кубанский округ оказался наиболее развитым в экономическом отношении и явно лидировал по численности населения. В начале 1925 г. он включал в себя 18 районов (43,9% от общего числа районов в четырёх округах)

⁶⁶ Советский юг. — 1924. — 11 июня.

⁶⁷ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). — Ф. Р-1485. — Оп. 1. — Д. 15. — Л. 58.

⁶⁸ СУ. — 1925. — № 11. — Ст. 76.

⁶⁹ Эти три района были расширены к северу от р. Ея за счёт земель, никогда не относившихся прежде ни к Черноморскому казачьему войску, ни к более поздним кубанским административно-территориальным единицам.

и 214 сельсоветов (соответственно, 46%). Кубанский округ был образован за счёт территории Краснодарского и Славянского отделов, а также северной части Кавказского отдела и южной половины Ейского отдела (а не только лишь Каневской волости, как пишут составители краснодарского архивного справочника⁷⁰). Армавирский округ состоял из 12 районов (29,3%) и 152 сельсоветов (32,7%). Он был образован за счёт территории Армавирского отдела и южной (и отнюдь не большей⁷¹) части Кавказского отдела.

Значительно отставали от них Майкопский и Черноморский округа, центры которых были единственными в округах промышленными центрами. Майкопский округ имел перспективы развития за счёт нефтяной и деревоперерабатывающей промышленности, но здесь преобладали бедные и малонаселенные станицы. В начале 1925 г. в округе числилось всего 5 районов (12,2%) и 69 сельсоветов (14,8%), составлявших до того Майкопский отдел без какого-либо изменения границ. Если бы не вклинивавшаяся узкой полосой между Армавирским и Майкопским отделом Адыгейская (Черкесская) АО, эти два отдела могли бы быть объединены, и тогда их совокупный потенциал приблизился бы к уровню Кубанского округа. Но этому препятствовали принципы проводившейся тогда национальной политики.

В Черноморском округе главным промышленным центром и портом был Новороссийск, но имел определённые перспективы как порт и Туапсе. Значительные перспективы развития округа заключались также в курортном деле и туризме. В начале 1925 г. в этом округе насчитывалось 6 районов (14,6%) и всего лишь 30 сельсоветов (6,5% от имевшихся в четырёх округах). Черноморский округ остался почти в прежних границах, и лишь его Анапский район чуть был увеличен на север за счёт соседних земель упразднённого Славянского отдела.

Столь радикальная ломка административно-территориального устройства при всех благих намерениях делала несопоставимой статистику без специальных сложных пересчётов, нарушала привычные связи между управленческими структурами, запутывала население, требовала бесконечных изменений в справочниках, не говоря уже о расходах на новые таблички, бланки и т. д. Окружная система на Северном Кавказе просуществовала всего лишь до лета 1930 г. За короткий период своего существования она сопровождалась бесконечными административными перетрясками и изменениями границ, затронувшими все округа без исключения и большинство районов.

⁷⁰ Основные административно-территориальные преобразования на Кубани. С. 78.

⁷¹ Там же.

Важной составной частью национальной политики в регионе в этот период стала широкомасштабная компания по украинизации. Ещё недавно правительство проводило политику «расказачивания», часто переходившую в социальный геноцид. Теперь же власти пытались завоевать симпатии местного населения, активизируя национальный вопрос. III съезд советов СССР, состоявшийся в мае 1925 г., принял постановление «По вопросам советского строительства», в котором указал на необходимость «введения во все выборные советские органы представителей национальных меньшинств, организации школ и съездов на родном языке»⁷². А 26 августа 1925 г. Северо-Кавказский крайисполком принял постановление «О работе советов в бывших казачьих областях Северо-Кавказского края», где, в частности, «по желанию населения разрешалось вводить украинский язык (параллельно с русским), носить холодное оружие и казачью форму»⁷³. Для Северо-Кавказского края с этого времени украинизация стала приоритетным направлением в реализации данного постановления. Ей подлежали 37 районов края, 3 106 852 жителя, которые в переписи 1926 г. обозначены как украинцы⁷⁴.

Ф. Д. Климчук подсчитал, что в районах исторической Черноморрии по данным переписи украинцы составляли 71,3 % (782 074 чел.), а без учёта городского населения — 81,26%⁷⁵. Так как среди жителей Кубанского округа абсолютно преобладали выходцы из украинских земель (в том числе потомки черноморских казаков), он подлежал первоочередной и ускоренной украинизации. 23 ноября 1925 г. II Кубанская окружная конференция ВКП (б) приняла резолюцию «О работе среди украинского населения Кубанского округа». В ней отмечалось следующее: «исходя из наличия в Кубанском округе 70–80% населения, владеющего народным говором, положенным в основу литературного украинского языка», считать «конечной целью украинизацию Кубани»⁷⁶.

Но нет такого замечательного дела, которое не мог бы испоганить российский чиновник. Ретивые исполнители политики партии нередко сами были малограмотными и своими действиями лишь

⁷² Съезды советов в документах: Съезды Советов Советских Социалистических Республик, 1922–1936. — Т. 3. — М., 1960. — С. 82–83.

⁷³ Баранов А. В. Социально-политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.). — СПб., 1996. — С. 245–246.

⁷⁴ ГАРФ. — Ф. 1235. — Оп. 123. — Д. 122. — Л. 9.

⁷⁵ Климчук Ф. Д. Расселение этнических украинцев на юге и юго-западе России (по материалам переписи 1926 г.) // Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 3. — Краснодар, 2008. С. 264.

⁷⁶ Центр хранения документов по новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 203. — Л. 1.

вызывали обратный эффект⁷⁷. Заботясь о своей личной карьере, чиновники прибегали к насильственным мерам, стремились провести украинизацию в кратчайшие сроки. В станице Полтавской местные жители заявляли: «ми не хочемо розмовляти галиційською мовою», так как учебники, привезённые из Украинской ССР, отражали литературную норму, резко отличающуюся от разговорного языка Кубани.

На Кубань теперь присылали учителей из Украины, создавались украинские учебные заведения и библиотеки, издавалась литература на украинском языке, а Книжная палата из Харькова присылала в Краснодарскую окружную библиотеку обязательные экземпляры книг, как и в аналогичные библиотеки Украинской ССР. Но вдруг в Москве поняли, что дальнейшее углубление украинизации может перерасти в опасный вопрос поиска новых форм национальной государственности. К тому же правительство УССР ещё с 1923 г. начало добиваться присоединения к Украине соседних российских территорий с преобладанием украинского населения, стремясь прекратить их дальнейшую русификацию⁷⁸. К тому же не оправдались надежды на лояльность казачества в условиях форсированного землеустройства в станицах, повышения платежей и налогов. Поэтому в Москве решили сломить сопротивление, развернув массовые репрессии и организовав голодомор 1932–1933 гг.

По указанию свыше, в декабре 1932 г. президиум Северо-Кавказского краевого исполкома принял постановление о немедленном приостановлении украинизации во всех районах края. Делопроизводство и школьное обучение вновь переводились на русский язык. При этом власти ударились в другую крайность — всё украинское подлежало забвению, литература на украинском языке уничтожалась, а активисты украинизации были подвергнуты репрессиям. Если фашисты в Германии уничтожали запрещённые книги по спискам, и их за это называют варварами, то в кубанских библиотеках ПОЛНОСТЬЮ УНИЧТОЖИЛИ ВСЕ ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ! Украинская интеллигенция Кубани была также полностью физически уничтожена. Многие жители станиц с украинским населением были насильственно депортированы в северные регионы СССР. В результате численность украинцев на Кубани сократилось к настоящему времени по сравнению с 1926 г.

⁷⁷ *Иванцов И. Г.* Мероприятия Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) по украинизации кубанских районов 1922–1932 гг. (на материалах районных контрольных комиссий) // *Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия.* Вып. 3. — Краснодар, 2008. С. 301.

⁷⁸ *Кульчицкий С. В.* Голодомор 1932–1933 рр. на Кубані // *Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия.* Вып. 3. — Краснодар, 2008. С. 314–315.

почти в 10 раз — показатель, который с точки зрения современной науки можно характеризовать как этническую катастрофу⁷⁹.

Что же касается голодомора 1932–1933 гг. на Кубани, то самый страшный удар сознательно был нанесён именно по станицам с украинским населением. Так, на «чёрные доски» попали станицы Кисляковская, Кущёвская, Медведовская, Незамаевская, Новодеревянковская, Новопашковская, Платнировская, Полтавская, Стародеревянковская, Старокорсунская, Старощербиновская, Уманская, Шкуринская. Кроме того, зимой 1932–1933 г. было насильственно вывезено далеко за пределы Кубани население станиц Полтавская и Медведовская, а также часть населения станиц Привенская, Пластуновская, Платнировская, Старокорсунская, Старомышастовская, Уманская⁸⁰. Для сравнения: из станиц с преобладанием русского населения на «чёрные доски» попали четыре станицы (Ладожская, Новорождественская, Темиргоевская и Урупская). Неказачьи населённые пункты Кубани вообще избежали подобной участи.

Демографическая и этническая катастрофа, постигшая Кубань, тщательно скрывалась властями. В Москве тщательно планировали и осуществляли массовые перевозки людей: на место выселенных или уничтоженных жителей казачьих станиц привозили переселенцев из отдалённых регионов СССР (только не из Украины!). Среди репрессивных мер, обрушившихся на кубанское казачество в период массовой коллективизации, надо упомянуть новое насильственное присоединение казачьих станиц по Зеленчуку и верхнему течению Кубани к Карачаевской и Черкесской автономным областям⁸¹ в 1931 г.⁸². Это обрекало станицы на медленную деградацию, что особенно ощутимо проявилось на рубеже XX–XXI вв., особенно в Карачае.

Решительный поворот в сторону ужесточения административных методов руководства, обострение ситуации в стране в условиях массовой коллективизации и форсированной индустриализации, усиление карательных мероприятий против населения — всё это способствовало новым изменениям в системе территориального

⁷⁹ Чумаченко В. К. Идентичность кубанского казачества (научный и идеологический аспекты проблемы) // Культурні зв'язки Донеччини з українським зарубіжжям: матеріали науково-практичної конференції. — Донецьк, 2004. С. 198–199.

⁸⁰ История Кубани. Атлас с комплектом контурных карт. / Разработка карт А. М. Авраменко. Краснодар, 2005. Карта 13.

⁸¹ Карачаево-Черкесская АО была разделена в 1926 г.

⁸² Основные административно-территориальные преобразования на Кубани. С. 95–96; Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ. (1917–1941 гг.). — Майкоп, 1995. С. 181.

управления. 15 июня 1930 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) о ликвидации округов, а вскоре XVI съездом ВКП (б) было одобрено решение ЦК «об упразднении округов и об укреплении районов, как основного звена социалистического строительства в деревне, что должно привести к решительному приближению партийно-советского аппарата к селу, к колхозам, к массам»⁸³. За демагогическими заявлениями о необходимости приближения управления к массам и его децентрализации скрывалось стремление к жесткой централизации управления, как справедливо отмечает Е. С. Тютюнина в коллективной монографии⁸⁴. Руководствуясь решениями съезда партии, президиум ВЦИК и СНК СССР совместным постановлением от 23 июля 1930 г. ликвидировали окружную систему⁸⁵. Теперь огромные края, делившиеся на множество районов, стали напоминать зависимые от воли Кремля сатрапии, жесточайше подавлявшие местное население. Решения районных властей местные жители могли обжаловать только в далёком краевом центре (куда отнюдь не просто было добраться). На практике это ставило людей в абсолютную зависимость от административного произвола.

Исполняя решения партии и правительства, президиум Северо-Кавказского крайисполкома 7 августа 1930 г. принял постановление о ликвидации на территории края 10 «русских округов» и утвердил новую сеть районов и городов⁸⁶. Предписывалось завершить ликвидацию к 1 октября 1930 г., а исполкомы «распустить без созыва пленумов», что особенно показательно. Таким образом, командные методы в управлении заменили собою даже формальную видимость демократии.

Огромный Северо-Кавказский край оказался разбит на 87 районов (из них 7 национальных), 7 национальных автономных областей и 10 городов. Под видом «укрепления районов» осуществлялась бюрократизация их управленческого аппарата и усложнение структуры. В каждом райисполкоме предписывалось иметь 17 обязательных отделов и инспекций. Параллельно росла численность оргинструкторских подразделений вышестоящих и районных органов, занимавшихся мелочной регламентацией деятельности нижестоящих. Такая система исключала проявление какой-либо местной инициативы, не согласованной с начальством. Именно

⁸³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1988. — 9-е изд., доп. и испр. — Т. 5. — М., 1984. С. 131.

⁸⁴ Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ. — С. 233.

⁸⁵ СУ. — 1930. — № 37. — Ст. 400.

⁸⁶ ГАРО. — Ф. Р.-1485. — Оп. 1. — Д. 638. — Л. 18; Армавирская коммуна. — 1930. — 10 авг.

таким способом было достигнуто превращение района «в узловой пункт практического осуществления политики партии на селе»⁸⁷. В структуре административно-территориального деления всё большее предпочтение отдавалось удобствам прямого государственного управления сельским хозяйством, что выражалось в установлении границ административных районов по радиусу деятельности совхозов и МТС⁸⁸. В результате происходили мелкие подвижки районных границ, не всегда отражавшиеся в печати, но обнаруживаемые при сопоставлении близких по времени карт.

Несмотря на декларировавшееся соблюдение прав национальных автономий, последним теперь навязывалось изменение административных границ с целью форсирования темпов экономического развития (ибо замысловатые конфигурации границ порою сильно затрудняли рациональное руководство экономикой). Попутно решалась другая задача — перетасовка границ автономий сокращала долю представителей титульной народности среди местного населения, что постепенно фактически вело к размыванию автономной единицы. В результате на Кубани и в Причерноморье постепенно исчезли Греческий, Немецкий, Шапсугский, Армянский национальные районы.

Вместе с тем, тенденции к разбуханию бюрократического аппарата нарастали. Они породили новую волну дробления управляемых территорий. Это уже не противоречило целям сталинской политики — страна теперь находилась под полным контролем, а страшный голод и огромная смертность в 1932–1933 гг. окончательно сломили крестьян и казаков. 10 января 1934 г. президиум ВЦИК принял постановление о разделении Северо-Кавказского края на Азово-Черноморский с центром в Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский с центром в Пятигорске⁸⁹. А 13 сентября 1937 г. было принято постановление ЦИК СССР о разделении Азово-Черноморского края на Ростовскую область и Краснодарский край (в составе которого находилась Адыгейская АО). Так сложилась довольно устойчивая схема АД региона, остававшаяся действенной и в дальнейшем. Внешняя граница края с тех пор почти не менялась (наиболее существенные изменения были связаны с ликвидацией Карачаевской АО в 1943 г. и последующим воссозданием Карачаево-Черкесии).

Разумеется, внутри Краснодарского края сложились субрегионы, отличающиеся физико-географическими условиями и специализацией хозяйства. Происходят изменения в этногеографии. Наиболее

⁸⁷ КПСС в резолюциях ... Т. 5. — С. 139.

⁸⁸ Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ. — С. 235.

⁸⁹ ГАРО. — Ф. Р.-1485. — Оп. 1. — Д. 662. — Л. 2; Красное знамя. — 1934. — 16 января.

существенные региональные изменения связаны с Адыгеей. Ещё постановлением Президиума ВЦИК от 10 апреля 1936 г. в состав Адыгейской АО были переданы Гиагинский район и часть Майкопского, с городом Майкопом, куда и были переведены административные учреждения автономии из Краснодара. После этого в Адыгее русское население стало численно преобладать над адыгейским. В 1962 г. к Адыгее внезапно присоединили значительную территорию к югу от Майкопа, где адыгейцев почти не было. Но эта автономия входила в состав Краснодарского края и не граничила с какими-то иными административными единицами, её бюджет дотировался за счёт края. Положение резко изменилось 3 июля 1991 г., когда Адыгея вышла из состава края и сейчас является самостоятельной республикой — таким же субъектом Российской Федерации, как и Краснодарский край. В результате появился редкий политико-географический феномен: один субъект федерации находится внутри другого юридически равноправного субъекта федерации. Но экономически Адыгея полностью зависит от Краснодарского края и от дотаций из федерального бюджета.

Что же касается бывлой региональной специфики исторической Черномории, то после катастрофы 1932–1933 гг. она постепенно исчезает. Выжившие после голода морально раздавленные жители Кубани записывались русскими, меняли фамилии, бежали за пределы региона, лишь бы избежать репрессий.

Ассимиляция кубанских украинцев в советскую и современную эпоху привела к необратимым последствиям. В современном Краснодаре на улицах не слышно украинской речи, в крае нет ни одной школы с преподаванием хотя бы некоторых предметов на украинском языке, в книжных магазинах не бывает украинских изданий. Украинское государство не оказывает никакой помощи украинцам Кубани (как и других регионов России). В Краснодаре до сих пор нет Украинского культурного центра, где можно было бы собираться и проводить мероприятия. В краевой библиотеке имени А. С. Пушкина немногочисленные случайно попавшие в фонды книги на украинском языке числятся в категории «литература на иностранных языках»! И это при том, что украинцев даже сейчас немало среди граждан России.

Но это «пиррова победа». В последнее время и русское население Кубани неуклонно сокращается, зато быстро растёт количество армян, курдов, дагестанцев, чеченцев, покупающих дома в городах и станицах. Сохранение такой тенденции в перспективе превратит Кубань в зону нарастающих этнополитических конфликтов, если не изменится демографическая политика.

Тем временем, краевые власти Кубани живут химерами, сочиняют программы патриотического воспитания, основанные на фальсификациях. Средства массовой информации никогда не освещают

работу ежегодно проходящих научных конференций, проводимых Краснодарской общественной организацией «Содружество Кубань — Украина». Зато краевые газеты периодически печатают заказные антиукраинские пасквилы. Так, в мае 2009 г. «Вольная Кубань» в четырёх номерах подряд опубликовала провокационную статью Сергея Платонова «К истории кубанского казачества». В номере за 14 мая говорится: «Казачеству, как и всем россиянам, пора твердо осознать, что в современном мире, как и всегда, действует принцип «прав тот, у кого больше прав». А больше прав у сильного. Разговоры о мире — это дипломатический туман. <...> Мы должны способствовать всеми средствами распаду Украины на три естественные части. И открыто заявить, что это в наших интересах. <...> Прежде всего надо откровенно и твердо заявить, что Кубанское казачье войско как наследник доблестных казачьих частей, завоевавших вместе с армией Новороссию, никогда не признает справедливым и законным ее вхождение в Украину. Следует также, не откладывая, обратиться к Президенту России с предложением немедленно прекратить позорную плату за российскую военно-морскую базу Севастополь, которая никогда даже формально Украине не передавалась. <...> И наконец, Кубанское казачье войско в силу причастности к героической славе своих предшественников, проливавших кровь под стенами Очакова и Березани, должно заявить, что оно предоставит себя в полное распоряжение российского правительства, если дело дойдет до силового решения указанной проблемы».

Такая статья не является исключением. Она вполне отражает настроения кубанской правящей верхушки, не упускающей случая угодить Москве любой ценой. Существует и научный центр, приписанный к Кубанскому казачьему хору, который под руководством профессора Н. И. Бондаря подводит соответствующую научную базу. Так, Н. И. Бондарь утверждает, что черноморские казаки, ставшие частью ККВ, уже в середине XIX века не считали себя украинцами, в начале XX в. в Кубанской области сложился единый субэтнос «кубанское казачество», оторвавшийся от украинского народа, а кубанская «балачка» стала диалектом не украинского, а русского языка⁹⁰. В одном из своих последних сочинений он написал: «Следов украинского субэтнуса на Кубани не обнаружено».

Соответствующая идеологическая обработка кубанского населения ведётся в школах края, где по требованию губернатора А. Н. Ткачёва введён обязательный учебный предмет «кубановедение». Используя созданное вновь Кубанское казачье войско в своих политических целях, губернатор Кубани в ноябре 2007 г. добился

⁹⁰ Подробнее см.: Авраменко А. М. Третя збірка «Кубань — Україна» і деякі проблеми кубанської україністики // Кубань-Україна: вопросы историко-культурного взаємодія. Вып. 3. — Краснодар, 2008. С. 10–14.

избрания новым атаманом своего ставленника, до этого не имевшего никакого отношения к казачеству. Поздравляя Н. А. Долуду с избранием, Ткачев тут же поставил нелепую задачу, полностью соответствующую его стилю руководства, — довести численность Кубанского казачьего войска до миллиона человек! Разумеется, это войско финансируется из краевого бюджета, а за это должно верно служить губернатору и поддерживать его в разных политических акциях. Так было, например, когда А. Н. Ткачёв пытался построить дамбу для присоединения косы Тузла к Краснодарскому краю, не обращая внимания на её юридическую принадлежность Украине.

Изображая из себя патриота Кубани, губернатор лично содействовал возвращению войсковых регалий ККВ из США. Однако хранители регалий, проживающие в эмиграции, ставили одним из условий возвращение Краснодару исторического названия — Екатеринодар (что так и не сделано). Не возвращены исторические названия станиц Уманской, Поповичевской, по воле советских вождей ставших Ленинградской и Калининской. Зато московские и местные хищники захватывают объекты собственности, не особенно считаясь с правами местных жителей. Уничтожается уникальная природа в районе строительства объектов будущей Сочинской олимпиады. Повсеместно варварски разрушаются памятники истории и культуры, археологические объекты, а учителя и краеведы должны объяснять школьникам, что всё это надо любить! Только вряд ли будут люди беречь и уважать то, что не вызывает положительных эмоций в их душах. Помогают ли казачьи вожди «кубановедам» беречь родной край, сохранять то, что у нормальных людей вызывает восхищение и ностальгию? Этого не видно.